

*В.Н. КОЗЛОВ,
Д.Б. ОРЕШКИН*

Статистика и этика

"Есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика" – банальная и слишком универсальная шутка. Следовательно, не совсем адекватная для наших уникальных социокультурных условий. У нас статистика до сих пор остается еще и орудием политической борьбы.

Вряд ли это чисто научная проблема, скорее – нечто более глубокое, связанное с культурой, этикой и аксиологией. Статистика в ментальности советского правящего класса была естественным образом подчинена задачам государственного строительства. В связи с чем она перестала служить инструментом описания и познания действительности, но превратилась в инструмент державного мифотворчества. Это в самом деле уникальная позиция, учитывающая масштабы страны и эпохи.

Оговоримся: речь идет не о математической статистике и теории вероятностей как о математическом аппарате, а о "статистике" в ее обиходном или журналистском понимании. "Статистика знает все", "земская статистика", "электоральная статистика", "статистика побед и свершений" – такого рода смысловые обороты из области между наукой и СМИ точнее отвечают объекту нашего исследования. Она как бы опирается на капитал научной беспристрастности, но в то же время остается аргументом пропаганды.

Проблема, если без обиняков, в том, что в России/СССР не было и почти нет "просто" статистики (как, кстати, и "просто" социальных наук). То есть элементарных эмпирических данных, чисел, которые служат общепризнанным исходным материалом. Материал можно интерпретировать, сравнивать, использовать для идеологической атаки или обороны, передергивать, но сам по себе он не подлежит сомнению. Как, например, расстояние в километрах между Москвой и Санкт-Петербургом. К сожалению, социальная статистика, как и социология в целом, всегда заключена в рамку доминирующих установок о том, что такое "хорошо" и что такое "плохо". "Буржуазный объективизм" остается объектом презрения и гонений, хотя давно уже так не называется. Данные Роскомстата, между прочим, на этом фоне выглядят довольно обширным и относительно светлым пятном научной добросовестности. К сожалению, нет уверенности, что это надолго.

Примеров "статистики" множество. Вспомним события августа 2008 г. в Цхинвали. Сколько человек погибло? "2000" – говорит вице-премьер Правительства РФ С. Иванов в интервью CNN. "2100" – заявляет президент Южной Осетии Э. Кокойты в Государственной думе РФ; "1631" – уточняет он же несколько позже на страницах газеты "Коммерсантъ", давая понять, что захоронения разбросаны бог знает где, в том числе

Козлов Владимир Николаевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН.

Орешкин Дмитрий Борисович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

на территории Северной Осетии (?), и найти их будет крайне трудно. Лучше поверить ему на слово. "Несколько сотен" – утверждает мэр Москвы Ю. Лужков. "Обнаружено 134 мертвых тела" – официально докладывает глава Следственного комитета РФ А. Бастрыкин. "В морге при больнице в Цхинвали 44 трупа, вряд ли общее число погибших превышает несколько десятков" – сообщает HRW.

Так сколько все-таки жертв на самом деле? Ответ зависит от идейной ориентации: "патриоты" считают правильным зависить потери, чтобы обвинить М. Саакашвили в геноциде. Тех, кто выказывают сомнения, автоматически зачисляют в "пятую колонну". Как это знакомо! Если поиск правды приводит в стан врага, не следует ли внимательно обернуться на свой собственный стан?

Самое интересное состоит в том, что общество воспринимает это как некоторую социокультурную норму: мол, информационная война, все врут; и с той и с другой стороны. То, что жертвой такой парадигмы становится (давно стала?) элементарная профессиональная добросовестность, постсоветского человека не печалит и не удивляет. Как и то, что без элементарной добросовестности общество в принципе утрачивает способность понимать само себя, сравнивать и различать, где прогресс, а где деградация, где верх, где низ, что лучше, что хуже. Может быть, это самое опасное наследие советской эпохи, разрушающее если не сам социальный "мозг", то по меньшей мере, "мозжечок", и вместе с ним способность адекватно ориентироваться в пространстве.

Число жертв в Великой Отечественной войне – не вопрос научной дискуссии, а вопрос политической или идеологической ангажированности. Как число жертв коллективизации, число жертв ГУЛАГа, реальное качество жизни советских людей, реальные показатели промышленности и сельского хозяйства... Блуждание в потемках опять становится популярным околонучным упражнением. Видимо, такова основополагающая система ценностей и целей и современной России. Что и как можно противопоставить этому явлению, если оно – "социокультурная норма"?

Можно привести и другой пример, связанный с "железнодорожным прорывом". Советские люди знают, что благодаря руководству И. Сталина и ленинской партии советский народ добился невероятных побед. В частности, по сравнению с 1913 г. к последним годам жизни вождя протяженность железнодорожных путей СССР выросла вдвое. Вот видите, статистика подтверждает!

Чтобы избежать обвинений в применении ложных цифр из вражеских журналов, воспользуемся исключительно советскими официальными источниками. В справочнике "СССР в цифрах" за 1957 г. указано, что эксплуатационная длина железных дорог в 1913 г. составляла 58,5 тыс. км, а в 1956 г. – уже 120,7 тыс. км [СССР... 1958, с. 468]. Действительно, прирост более чем вдвое за 40 с небольшим лет.

Теперь обратимся к основополагающему труду В. Ульянова (Ильина, Ленина) "Развитие капитализма в России" (1899 г., 2-е дополненное издание – 1908). Он там с партийной прямоотой указывает, что за 25 лет с 1865 по 1890 г. железнодорожная сеть России выросла в 7 раз. Круче, чем в Англии, где соответствующий рывок занял 30 лет и обеспечил лишь шестикратный прирост. Правда, хуже, чем в Германии. Но в любом случае, царская Россия очевидным образом входила в число мировых лидеров по темпам развития транспортной инфраструктуры [Ленин, 1953, с. 591].

С 1865 по 1875 г. российский капитализм строит железные дороги со средней скоростью 1,5 тыс. км в год. С 1893 г. Россия вводит в среднем уже по 2,5 тыс. км путей в год; на рубеже веков среднегодовой прирост приближается к 3 тыс. км и даже более. Параллельно растут объем грузоперевозок, показатели торговли, промышленное производство, урбанизация и т.д. Ленин с энтузиазмом отмечает "истинно американские" темпы развития русского капитализма.

Потом в России настает советский строй. А в США – не настает. Поэтому железные дороги там продолжали строить очень быстро, но лишь до тех пор, пока не выяснилось, что автомобильный большегрузный транспорт в принципе удобнее и эффективнее. После чего там происходит революция автобанов. А у нас не происходит. До сих пор.

Народная власть ни на секунду не упускает из-под контроля вопрос железнодорожного транспорта. Сначала им командовал Л. Троцкий, потом Ф. Дзержинский, а затем за дело взялся и лично Сталин. 19 сентября 1931 г. он пишет Л. Кагановичу: "Самым важным вопросом ближайших месяцев считаю транспорт, прежде всего – желдортранспорт... Пока в транспорте сидит шайка самовлюбленных и самодовольных бюрократов типа Рухимовича, по-меньшевистски издавающихся над постановлениями ЦК и сеющих кругом разлагающий скептицизм, постановления ЦК будут *клясть под сукно*. Надо эту шайку разгромить, чтобы спасти железнодорожный транспорт" [Сталин, 2004, с. 677].

Вдохновляющий подход! Главное – не допустить "разлагающего скептицизма". Под этим термином Сталин понимает правду о провалах своей экономической политики. В чем в чем, а в борьбе с разлагающим скептицизмом ему равных не было. Но как все-таки у нас дело с желдортранспортом? Да кому это, в конце концов, интересно... К сожалению, все-таки есть кому. Например, народнохозяйственному комплексу, который всю советскую и постсоветскую эпоху хронически страдает от слабостей инфраструктуры.

Понятно, самовлюбленные транспортные бюрократы были расстреляны и заменены надежными людьми из ТОГПУ (транспортный отдел ГПУ). Как, впрочем, и в прочих отраслях. Общая концепция руководства была четко сформулирована в августе-сентябре 1930 г. в цикле писем Сталина В. Молотову из Сочи, где вождем поправлял здоровье: "Обязательно расстрелять десятка два-три вредителей... в том числе десяток кассиров... Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять... Нужно обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав об этом в печати... Придется, по-моему, обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счет ОГПУ и РКИ после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу... Надо бы все показания вредителей по рыбе, консервам и овощам опубликовать немедленно... а через неделю дать извещение от ОГПУ, что все эти мерзавцы расстреляны... "[Сталин, 2004, с. 341, 342, 355, 361]. ("Мерзавец Кондратьев", кстати – тот самый, открывший "циклы Кондратьева". Они и сегодня используются мировой наукой для объяснения неравномерностей в территориальном развитии хозяйства.)

Но мы отвлечлись. Пусть Н. Кондратьеву, М. Рухимовичу, Г. Сокольникову, А. Чаюнову и тысячам других "вредителей" земля будет пухом, но что все-таки с железной дорогой? Среднегодовой прирост сети с 1913 по 1956 г. – 1,4 тыс. км. То есть благодаря революции, коллективизации, индустриализации, мобилизации, идеологизации, концентрации и централизации "желдортранспорт" под личным контролем вождя в XX в. успешно съехал на темпы времен отмены крепостного права (1865–1875 гг.). Само собой, за эти славные годы мы необратимо отстали как от европейских, так и от американских конкурентов.

Возможно, не совсем корректно брать интегральную оценку за период, где были и революция с Гражданской войной, и Великая Отечественная. На это, правда, можно возразить, что революцию и последующую Гражданскую войну большевиков никто затевать не просил. Напротив, просили не затевать. Ну, вспомним хотя бы знаменитое стольпинское: "Вам, господа, нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия". Так что это инициатива их собственная и, по чести, каждый из провальных годов им следовало бы поставить в строку.

Но согласимся и возьмем отдельно самые лучшие годы индустриализации, когда никто не мешал Сталину реализовать преимущества социалистического строя. С 1928 (76,9 тыс. км) по 1940 г. (106,1 тыс. км) средний темп ж/д строительства составляет 2,4 тыс. км в год – заметно хуже, чем 40 лет назад, в конце XIX в. Или вспомним цифры периода "быстрого послевоенного восстановления народного хозяйства": с 1945 г. (112,9 тыс. км) по 1956 г. (120,7 тыс. км) сеть прирастала со средней скоростью 0,7 тыс. км в год. Примерно вдвое медленнее, чем в счастливое десятилетие после отмены крепостного права. А за 20 лет с 1970 по 1990 г. в РСФСР прирост сети составил

24 тыс. км – по 1,2 тыс. в год. Оставляем за скобками теоретические соображения о прогрессе технологий, который, вообще говоря, должен был бы за сто лет обеспечить некоторое ускорение ввода новых дорог.

Какое там ускорение. Если бы сталинский СССР мог удерживать средние темпы железнодорожного строительства хотя бы на уровне пореформенных лет государей Александра II и Александра III, мы бы к моменту смерти вождя имели 40–50 тыс. км "сверхплановой" инфраструктуры. Но в том-то и беда, что строить дороги СССР на самом деле не умел. Что было позже еще раз доказано эпопеей БАМа. Это вам не вредителей расстреливать и лозунги рисовать!

То, что большевики провалились с железными дорогами (как, впрочем, и со всем остальным, кроме, возможно, военной промышленности – да и то есть серьезные сомнения) – не вопрос. Вопрос, почему этот факт до сих пор остается тайной для общественного мнения. Советские люди свято верят, что сталинская политика помогла стране сделать мощный рывок из мрачного капитализма к светлому социалистическому будущему.

Хотя чего уж проще – взять открытые советские источники, да и сравнить. Почему не было охотников тогда – довольно понятно. Интереснее, почему их нет сейчас? Ведь как раз в этом конкретном случае статистика ни сном ни духом не виновата: цифры-то честные. Тексты Ленина задним числом стеснялись исправлять даже самые отпетые сталинские ретушеры, внаглую приписав десятки тысяч несуществующих железнодорожных путей, якобы построенных в эпоху социализма, им тоже духу не хватило. Редкий случай кристально чистой правды!

Поэтому мы и выбрали пример с железными дорогами: он прост, как перст. В других случаях советская статистика маскирует провалы чуть-чуть искуснее. Либо подменяя понятия, когда, например, вместо цифр по урожаю доказательством успеха служат цифры по увеличению распахки земель в колхозах и сокращению доли кулацких хозяйств. Либо показывая прирост в процентах, чтобы нельзя было сравнить натуральные объемы. Либо измеряя прирост в рублях. Советский рубль с точки зрения экономического эталона столь же эффективен, как каучуковый эталон метра. Рублей сколько велел Госплан, столько и напечатали. Поэтому прирост производства, выраженный в них, может легко достигать и 20, и 30, и 50% при неизменном или даже убывающем натуральном объеме.

Советская статистика быстро усвоила правила игры: ее задачей стало не отражение действительности, а доказательство преимуществ социалистического строя. Если некий факт таких преимуществ не доказывает, его просто нет.

Или, как апокрифически сформулировал видный советский экономист, академик С. Струмилин, "лучше стоять за высокие темпы развития, чем сидеть за низкие". Понятно, темпы роста в сталинской отчетности всегда были разительны. Жить хочется всем, и статистикам тоже. Но все-таки порой случались рецидивы недопонимания. Так, Центральное управление народнохозяйственного учета при Госплане СССР (ЦУНХУ) понимало, что негоже несознательному населению и потенциальным врагам доверять настоящие цифры о демографической цене коллективизации. Однако при этом начальники ЦУНХУ наивно полагали, будто их настоящие цифры могут и даже должны заинтересовать высшее руководство страны. Как же иначе выработать великие планы партии?!

Им доходчиво объяснили. Вот отрывок из воспоминаний М. Курмана (1905–1980), в 1937 г. – начальника сектора населения ЦУНХУ: "...последние более или менее известные данные о численности населения СССР относятся к концу 1931 года. Что же касается двух последующих лет – 1932 и 1933, то для них был характерен очень большой неурожай на значительной территории Советского Союза – на Украине, в Центральной Черноземной области, на Кубани, в Поволжье. В результате естественный прирост за эти годы был крайне мал, а в отдельных случаях оказался даже отрицательным. В таких условиях мы в тогдашнем ЦУНХУ закрыли все данные о населении, объявили их запретными. Последняя цифра, которая была опубликована, отно-

сится к 1 января 1933 года. После этого никаких данных не публиковали, но для себя вели счет. Каково же было наше удивление, когда на XVII съезде партии Сталиным была названа цифра населения, которая расходилась в сторону завышения против нашего исчисления миллионов на восемь. По моему настоянию, тогдашний начальник отдела статистики населения и здравоохранения венгерский эмигрант Сикра обратился к тогдашнему начальнику ЦУНХУ Осинскому с вопросом, откуда Сталин взял цифру населения, названную на съезде. Мне потом говорили, что Осинский имел разговор со Сталиным на эту тему, и Сталин ответил, что сам знает, какую цифру ему называть. Правда, в печатном тексте численность населения была уменьшена на миллион против устного выступления Сталина. Тем не менее, она была сильно завышена. И вот мое, так сказать, профессиональное выступление по поводу правильности цифры было квалифицировано следствием как клеветническая инсинуация по адресу вождя партии, приписывание ему фальсификации цифры населения на партийном съезде.

Второе обвинение было не менее интересным. После того, как были получены первые итоги переписи населения 1937 года, естественно, обнаружился значительный разрыв с той цифрой, которую следовало ожидать, судя по выступлению Сталина на XVII съезде партии. Тогда и предложили мне как руководителю статистики населения СССР дать объяснение по поводу расхождения между данными текущей статистики и переписи. Я долго отказывался, но меня все же заставили такой документ подписать. Его подписали Краваль – к этому времени начальник ЦУНХУ – и я как заместитель начальника отдела статистики населения и здравоохранения, руководитель статистики населения.

В этом документе я написал, что перепись населения – точная операция, максимальная ошибка может оцениваться, примерно, в один процент. Это составляет для Советского Союза примерно 1,7–1,8 млн человек. Что касается остального расхождения, то оно, по-видимому, может быть отнесено за счет того, что текущая статистика не имеет ряда данных. Ну, например, написал я в этом документе, – кстати говоря, он был помечен специальными литерами и направлен в адрес только руководящей группы правительства и партии, – у нас совершенно нет данных о смертности в лагерях. Далее указывалось, что у нас нет данных об уходе населения из восточных районов страны – из Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана – вместе со скотом в Персию и Афганистан.

Вот эти мысли, эти два высказывания были квалифицированы как сугубо контрреволюционные, как клевета на органы, – будто в лагерях у нас никто не умирал, и только враг народа мог придумать такие объяснения. Это было второе обвинение.

Все это было увязано с существованием в ЦУНХУ право-троцкистской контрреволюционной организации. Я, согласно этой версии, был членом организации и выполнял ее поручения. Мало сказать, что я был удивлен такими обвинениями. Я был поражен самой их возможностью. Но делать было нечего" [Курман].

Далее, понятно, Лефортово, 10 лет заключения плюс пять лет поражения в правах. Но Курман все-таки, к счастью, выжил. И оставил воспоминания. Интересно их "советское" миропонимание при явно "антисоветской" фактической части. "Большой неурожай" возник как бы сам собой и, видимо, по чистой случайности совпал с годами раскулачивания. Объяснение, точно как у Сталина в документах XVI съезда ВКП(б). А попробуй дать иное, хотя бы Сталин и умер уже давно. Дело даже не в физическом страхе: не боится же Курман говорить правду про свое "дело". Скорее, чисто психологически не получается – вроде как "льешь воду на мельницу...", подрываешь, клеветнешь... Все-таки это и его страна, и его жизнь, и его прошлое. Страшно взглянуть в лицо жуткой правде, остаться совсем одному, без веры, без мифа, в котором можно спрятаться, отдышаться и как-то оправдаться в собственных глазах.

Вранье, естественное, как общепринятая норма поведения – вот чем ужасна советская эпоха! И правда, наказуемая как измена и предательство. Уникальная социокультурная обстановка!

Из этой же серии: "...мы в тогдашнем ЦУНХУ закрыли все данные о населении, объявили их запретными". То есть, как и положено настоящим советским людям, сами догадались! Только зря потом полезли куда не надо со своими исправлениями. Не хватило цинизма взять в толк, что Система отвергает правду вообще, в самой основе. Ибо опирается не на науку, не на факт, а на безграничную веру. И на безграничное же насилие. Ей действительные факты жизни прямо противоположны. Ей нужны "как бы факты" – примерно как верующему нужны реальные свидетельства всемогущества в виде "чудес". Особый цинизм ситуации состоит в том, что для пушиго правдоподобия новая вера подает себя именно как **науку**, зная, что наука накопила в обществе солидный капитал доверия и желая обратить этот чужой капитал себе на пользу. Собственно, Сталин как-то сам об этом сказал на встрече с редакторами его биографии в 1946 г.: "Марксизм – это религия класса... Мы – ленинцы. То, что мы пишем для себя – это обязательно для народа. Это для него есть символ веры!" [Сталин, 2004, с. 636].

Сегодня, рассказывая небывлицы "про величие", реставрированная социокультурная норма естественным образом отходит назад к системному требованию не критичной **веры**, без которой не может себя воспроизводить. Но, поскольку настоящей веры в Сталина уже нет и быть не может, ее место занимает промежуточная культура "как бы веры" с легким оттенком **шутовства**. Ну, соврал. Значит, надо было. А кто не врет?! Ну, украл. Как же без этого. А кто не крадет?! Ну, убил. Подумаешь, эка невидаль. А кто не убивает?! Ну, подтасовал слегка цифры. А кто не подтасовывает?

Раскисшая субкультура большевизма: вроде, все дозволено. Все моральные ограничения – мелочь и пустяк. Только ради чего? Если большевики, возможно, находили внутреннее оправдание в искренности своей чудовищной веры, то нынешние, уже ни во что не верят и оправданий не очень-то ищут. Что делать, такой социокультурный фон. Но ведь кто-то его поддерживает и укреплает.

Электоральная демография

Попытка сопоставить данные электоральной и демографической статистики Российской Федерации была предпринята в 2000 г., когда численность зарегистрированных избирателей вдруг подскочила на 1,3 млн человек всего за три месяца между думскими и президентскими выборами (см. табл. 1).

Скачок тем более удивителен, что с июня 1996 г. (выборы Президента) до декабря 1999 г. (выборы в Думу) численность избирателей, по данным ЦИК РФ, напротив, снизилась на 34 тыс. человек. Здесь, впрочем, необходимо учитывать 507 тыс. избирателей Чеченской Республики, которые участвовали в выборах 1996 г., но не участвовали в кампании 1999 г. [Выборы, 1996, с. 319]. С этой поправкой получается, что число избирателей в России за межвыборный период выросло на 473 тыс., но за счет изъятия списочного состава Чечни – *de facto* упало.

Фактор Чечни использовался и при толковании "демографического взрыва" между 1999 и 2000 гг. Действительно, в 2000 г. в Чеченской Республике насчитывалось 481 тыс. избирателей, а в 1999 г. в графе "Чечня" стоял ноль. Значит, без объяснения остается бонус в 817 тыс. человек ($1298 - 481 = 817$). Парадокс в том, что прирост избирателей происходил на фоне снижения общей численности населения, которое, если исходить из данных Росстата, в то время уменьшалось со средней скоростью около 70 тыс. в месяц.

Убыль, хорошо известно, идет в первую очередь за счет сверхсмертности взрослых (то есть избирателей), но их число, если верить статистике, при этом увеличивается! За три месяца избирательский корпус не только не сократился на "положенные" 190–210 тыс. человек, но показал прибавку в 817 тыс. Следовательно, общий прирост должен был составить около миллиона: надо погасить естественную утрату 200 тыс. и обеспечить еще 800 тыс. прибавки.

Где взять? Вопрос, томительно напоминающий дилемму Курмана. Может, избиратель внезапно народился (сразу взрослым, потому что число детей, достигающих во-

Таблица 1

Зарегистрированные избиратели на выборах 1999 и 2000 гг.

Тип выборов	Зарегистрировано избирателей (тыс. чел.)	Прирост (тыс. чел.)
Президентские 26 марта 2000	109 372	1298
Парламентские 19 декабря 1999	108 074	

Источники: [Выборы... 2000^а, с. 292; Выборы... 2000^б, с. 319].

Таблица 2

Наиболее быстрорастущие электоральные ресурсы регионов

Субъект Федерации	Прирост избирателей		Общий прирост населения	
	В тыс. чел. (за 3 месяца 2000 г., данные ЦИК РФ)	в %	В тыс. чел. (в пересчете на 3 месяца, данные Росстата)	в %
Северная Осетия (Алания)	26,0	5,9	1,9	0,3
Тыва	7,0	4,3	0,05	0,03
Ямало-Ненецкий АО	9,1	2,8	-0,7	-0,2
Усть-Ордынский Бурятский АО	2,2	2,6	0,05	0,03
Еврейская АО	3,2	2,4	-0,9	-0,5
Ханты-Мансийский АО	19,8	2,3	-0,45	-0,03
Амурская обл.	13,9	2,0	-2,4	-0,2
Якутия (Саха)	11,3	2,0	-3,0	-0,3
Кабардино-Балкария	9,8	2,0	-0,2	-0,03
Дагестан	23,5	1,9	5,7	0,3

Таблица 3

Динамика числа избирателей и населения между выборами 19 декабря 1999–26 марта 2000 г.

Субъект Федерации	Прирост избирателей (в тыс. чел.)	Прирост населения (в тыс. чел.)
Краснодарский край	48,6	-0,8
Башкортостан	32,0	-0,2
Свердловская обл.	26,2	-7,1
Северная Осетия (Алания)	25,9	+1,9
Алтайский край	25,9	-2,8
Санкт-Петербург	25,6	-9,1
Ростовская обл.	25,5	-6,8
Саратовская обл.	24,9	-2,5
Дагестан	23,5	+5,7
Самарская обл.	21,0	-2,7
Хабаровский край	19,9	-4,2
Ханты-Мансийский АО	19,8	-0,5
Приморский край	19,6	-5,5
Волгоградская обл.	19,5	-4,1
Нижегородская обл.	18,3	-6,1

семнадцатилетия, "по головам" давно сосчитано в школах и райвоенкоматах) где-нибудь в местах лишения свободы? Ну, например, вышла амнистия сразу на миллион человек... Можно же пометчать, правда? Или, может, он прикочевал к нам из Персии и Афганистана вместе со скотом? И за три месяца натурализовался, получил гражданство, паспорт, избирательные права...

Вы будете смеяться, но именно в курмановском стиле чиновники ЦИК РФ и объясняли на пресс-конференциях неожиданную прибавку. Хотя от печатных высказываний предпочитали воздерживаться. Первым объяснением стала гипотеза о появлении 550 тыс. "новых избирателей", достигших 18-летнего возраста. Вторым – догадка о получивших право голоса иммигрантах. Набор, как видим, ограничен.

Наше преимущество, в сравнении с Курманом, в том, что цифры можно проверить по независимым источникам. Например, полезно взглянуть на проблему в региональном разрезе. Десятка самых быстрорастущих в электоральном отношении территорий представлена на таблице 2 (для сравнения представлены данные Росстата по общей динамике численности населения).

Максимум прироста зафиксирован в специфических регионах, которые в рейтингах "свободы выборов" или "влиятельности административного ресурса" от выборов к выборам занимают самые высокие места [Электоральный...]. По данным Росстата, далеко не все они в лидерах: Якутия, Амурская обл., Еврейская АО вообще показали снижение численности населения порядка одного процента. За год! Но при этом обеспечили примерно двухпроцентный рост числа избирателей за три месяца. Мощного притока молодежи и раздачи гражданства мигрантам там не наблюдалось. И вообще, характерное время демографических процессов на порядок отличается от темпа изменений, зафиксированных электоральной статистикой.

Если рассматривать не относительный, а абсолютный прирост числа избирателей в регионах, то в лидерах, понятно, оказываются электоральные гиганты. При этом темпы электорального прироста опять-таки на порядок превышают пересчитанные на три месяца темпы демографической убыли/прибавки, зафиксированные Росстатом. В большинстве случаев эти процессы идут к тому же в противоположных направлениях: численность населения падает, численность избирателей растет. В таблице 3 приведены 15 регионов-лидеров по абсолютному приросту числа избирателей за три месяца между выборами.

Странно, что особенно интенсивный прирост избирательского корпуса наблюдается на селе, тогда как крупные города демонстрируют сдержанную, а порой даже отрицательную динамику. Например, в Москве к выборам 2000 г. зафиксировано снижение числа избирателей на 221,6 тыс. человек (-3,1%). До некоторой степени это объясняется откреплением приписанных ранее зарубежных избирателей, но общая негативная тенденция прослеживается на слишком большом массиве городов, чтобы оставить ее без внимания.

Парадокс: демографы упорно пишут о депопуляции села, причем в города уезжает в первую очередь молодежь. А электоральная статистика, напротив, фиксирует приток новых (и, если верить объяснениям ЦИК РФ, преимущественно молодых) избирателей именно на селе! В то же время именно в глухой провинции в статистике наблюдается и максимум электоральных иррегулярностей, отражающих вмешательство "административного ресурса". Совпадение?

Лишь в 15 крупных городах прирост избирателей в 2000 г. превысил 1,5%. В остальных он близок к нулю или отрицателен. Выраженное сокращение числа избирателей фиксируется в десятках городов. В Ставрополе, Ульяновске, Астрахани, Оренбурге, Чите, Новокузнецке... А вот в сельском Новокузнецком районе по соседству численность избирателей, напротив, выросла сразу на 21% за три месяца. Рекорд принадлежит Аяно-Майскому району Хабаровского края (плюс 55%). Лакский район Дагестана выдал плюс 22%. Городок Губкин в Белгородской области прибавил 19%, Буйнакск в Дагестане 16%. Население едет в крупные города, а списочные избиратели, напротив, бегут в провинцию? Такое возможно или в расщепленном сознании шизофреника,

или в фальсифицированной реальности. Тогда все понятно: чем глубже провинция, тем легче "административному ресурсу" рисовать электоральную статистику и добиваться "правильных" результатов.

Логика простая. Пририсованные избиратели появляются, потому что надо повысить долю голосов за нужного кандидата или партию. Так как в сравнительно свободной городской среде "нарисовать" нужный результат сложнее, центр тяжести в работе с "коррекцией итогов" переносится в провинцию. А поскольку там проживает сравнительно невысокая доля населения, приходится раздуть списочный состав избирателей, чтобы плоды тяжких трудов административного ресурса не растворились в относительно плохо управляемой массе городского электората.

В цикле 1999–2000 гг. манипуляции со списками избирателей имели все-таки спорадический и периферийный характер и сильно зависели от местных элит. Созревающая постсоветская бюрократия эмпирически нащупывала методы получения нужных результатов. Процесс еще не был отлажен и систематизирован. Манера электорального поведения отдельных городков или районов, зафиксированная в официальной статистике, зависит не столько от их размеров, традиций, настроений, сколько от креативности местного руководства.

Например, тогда еще нередко были случаи, когда нужного результата добиваются не за счет приписки "правильных" голосов, а наоборот, за счет вычеркивания "неправильных". При этом, как легко понять, происходит не увеличение числа избирателей, а уменьшение. При обобщении эти процессы взаимно маскируют друг друга, часто ставя исследователя в тупик. Вроде, все очень похоже, но в одном месте мы наблюдаем странный "приток" избирателей, в то время как по соседству – столь же странный "отток". Общее только одно: повышенная процентная доля голосов за "нужную" партию.

Впрочем, для анализа электоральной демографии вопрос о политических предпочтениях "виртуал-избирателей" вторичен. Нас занимает вопрос, откуда они взялись. Все-таки электоральные власти на местах чаще предпочитают работать в сторону "плюса", нежели "минуса". Поэтому к более ответственным президентским выборам проявляется резкое увеличение электоральных привесов, надоев и прочей урожайности. Живы традиции социалистической отчетности! Более того, в электоральном секторе они быстро возрождаются и крепнут.

Вступая, увы, в явное противоречие с комплексом прочих статистических данных о состоянии общества. В этом, кстати, видится принципиальная необратимость процесса. В советскую эпоху духоподъемную картинку роста от победы к победе можно было поддерживать сравнительно легко: практически весь массив количественных данных об экономике, демографии, социологии был засекречен или вообще отсутствовал. Ныне, в связи с объективным увеличением числа замеров и параметров, расширением направлений социальной и экономической деятельности перекрыть нарастающий поток данных едва ли возможно. Единственный путь – вернуться к практике системного запугивания или – что имеет место чаще – коррупционной "покупки" экспертного соображения. Чтобы исследовательские центры, как в свое время ЦУНХУ, сами "догадывались", что можно говорить, а чего лучше не надо. Иначе уйдет солидный спонсор или вдруг иссякнет государственное финансирование. Так, в общем, сегодня зачастую и обстоят дела. Но вряд ли это надолго: слишком много грубых противоречий.

Вот и гипотетический "миграционный прирост" не решает проблемы расширения избирательского корпуса. В 1999 г. в РФ, по данным Миграционной службы, прибыло 380 тыс. официально зафиксированных мигрантов и убыло 215 тыс. Легальный прирост за год 165 тыс. – около 14 тыс. в месяц, 42 тыс. за 3 месяца. А надо раз в 20 больше! Что же касается нелегальных мигрантов, то их поток, пусть даже на порядок более обильный, не имеет отношения к делу: они не граждане и потому не голосуют.

По независимой оценке Росстата, положительное сальдо миграции за эти же три месяца составило 53 тыс. человек. Расхождением оценок плюс-минус 10 тысяч в масштабах нашей задачи можно пренебречь: миграция в любом случае не дает объясне-

Численность населения и число избирателей в 1990–2000-е гг.

Год, кампания	Число избирателей		Численность населения	
	млн чел.	в % от 1991 г.	млн чел.	в % от 1991 г.
1991, Президент	106,5	100%	148,5	100%
1993, Дума	106,2	99,7%	148,7	100,1%
1995, Дума	107,5	100,1%	148,3	99,9%
1996, Президент	108,6	102,0%	148,0	99,7%
1999, Дума	107,3	100,8%	146,0	98,3%
2000, Президент	109,4	102,7%	145,9	98,2%
2003, Дума	108,9	102,3%	145,0	97,6%
2004, Президент	108,1	101,5%	144,2	97,1%
2007, Дума	109,1	102,4%	142,2	95,8%
2008, Президент	107,2	100,7%	142,0	95,6%

ния. Зачем же на нее ссылаются чиновники ЦИК РФ? Да чтобы отстали от них, наконец!

2000-е гг. стали переломными для избирательной системы: власти нащупали механизм обеспечения нужных результатов. И испытали общество на готовность принимать эти результаты, не задавая лишних вопросов. Общество согласилось. Если уж пришли на выборы виртуальные сотни тысяч избирателей, то, конечно, не для того, чтобы голосовать "против всех" или портить бюллетени. Тонкость лишь в том, что в 1999–2000 гг. этим виртуальным войском на местах еще командовали люди с несовпадающими политическими интересами. Часть регионального начальства делегировала свой виртуальный навар Единству, другая – блоку Отечество–Вся Россия, третья, самая малая и обреченная – КПРФ. Дальнейшее развитие электорального менеджмента, начиная с 2000 г., идет по двум направлениям: количественное расширение корпуса "мертвых душ" и, что еще важнее, подведение его под единую руку. Начинается эпоха консолидации "административного ресурса" и его поворота в пользу партии В. Путина.

Интересна динамика численности избирателей и населения Российской Федерации с начала реальных выборов (см. табл. 4). Если численность населения имеет монотонную тенденцию к сокращению, то число избирателей растет и при этом сильно колеблется. С 1991 по 2003 г. прирост избирателей в списках наблюдается ко времени президентских кампаний и сокращается во время думских. В принципе, это понятно: президентские выборы в России пользуются большим престижем, люди чаще проявляют готовность голосовать, охотнее регистрируются.

Но с 2004 г. тенденция обратная! Странный скачок дала численность избирателей к думским выборам в декабре 2007 г. Член ЦИК РФ Е. Колюшин в своем "особом мнении" тогда потребовал объяснить, откуда 2 декабря взялись "лишние" 1,661 млн избирателей по сравнению с последней датой их учета в июле 2007 г. Ситуация, в принципе, знакомая: за пять месяцев до голосования – рывок списочного состава. Правда, раньше такое обычно бывало (причем в меньшем масштабе) только перед президентской кампанией. Вопрос тем более неприятен, что данные об учете избирателей в межвыборный период, которые обновляются раз в полгода, демонстрировали устойчивый тренд к снижению. Что естественно, ибо отвечает общей демографической динамике снижения численности граждан.

Электоральный скачок фиксируется во всех субъектах Федерации за редкими исключениями. Объяснить его еще труднее, чем в 2000 г. На этот раз электоральная администрация даже не пытается апеллировать к "волне молодежи", якобы вошедшей в избирательный возраст. Хотя, между прочим, на этот раз о молодежи был смысл поговорить: с 2003 по 2007 г. порог 18-летия преодолело сравнительно обильное поколе-

ние, рожденное во второй половине 1980-х гг. Впрочем, это тема для отрезка в четыре-пять лет, но никак не для пяти месяцев.

ЦИК РФ объяснил просто: была проведена сверка, уточнены списки. Появились новые избиратели... Хорошо, но *откуда* появились? Ах, ну что вы пристали... Ясно же сказано – была проведена сверка... Похоже, в ЦИКе просто не понимают, о чем речь. У них в воображении российский народ обладает каким-то тайным мешком, вроде кенгуру, где при хорошо поставленном учете можно взять миллион человек, а при плохо поставленном – спрятать. Беда в том, что у демографов воображение построено иначе. Они знают, что российский народ – не кенгуру. Сверяй списки, не сверяй, взять лишний миллион *реальных* людей негде. Вот *бумажных* людей – сколько угодно.

Обратимся к президентским выборам 2 марта 2008 г. Здесь все наоборот! Парадоксальным образом на самых важных выборах численность избирателей за три месяца с декабря по март *сократилась* на 1,9 млн человек. Такого прежде не бывало. На демографию и кивать нечего – характерное время процессов явно не совпадает. Если нет войны, глубочайшего кризиса или голода, страна не может потерять более миллиона человек за квартал.

Объяснение электоральной администрации то же самое: сверили списки, обнаружили случаи двойного учета, привели в соответствие... Три месяца назад сверка списков приводит к появлению "новых" 1,6 млн избирателей, сейчас такая же сверка дает прямо противоположный результат: минус 1,9 млн. Какие странные сверки...

На практике это выглядело так. С декабря 2007 г. по март 2008 г. число избирателей в Москве сократилось на 174,4 тыс. Если это естественный демографический процесс, мы должны поверить, что темп утраты Москвой взрослого населения составляет примерно 700 000 человек в год... Росстат, однако, фиксирует убыток населения за год в размере лишь 478 тыс. человек. Для всей России, а не только для Москвы! А ведь "мор на избирателей" ко 2 марта открылся и во многих других местах. Рекорд принадлежит Санкт-Петербургу. Здесь недостача по сравнению с думскими выборами составила 386 тыс. человек. Между прочим, 10% от городского списка. Если пересчитать на год, получается полтора миллиона. Питерцы в блокаду не вымирали с такой скоростью.

Очевидно, процесс не столько демографический, сколько бюрократический. Тогда простой вопрос. Допустим, эти 386 тыс. человек – в самом деле лишние, и были правильно вычищены из мартовского списка в процессе сверки. Но как тогда быть с декабрьскими выборами, когда все они были в списке и участвовали в избирательной кампании? Уместно вспомнить, что при проверке подписей в поддержку кандидатов список считался недостоверным, если в нем обнаружено более 5% брака. Как же быть с выборами в Санкт-Петербурге, где брак в списках составляет, если верить объяснениям ЦИК РФ, 10%? Самое интересное, ни у кого никаких вопросов...

Рядом с Санкт-Петербургом по скорости исчезновения избирателей стоит еще один электоральный гигант – Краснодарский край. В общероссийской житнице численность избирателей за три месяца упала на 216 тыс. человек.

Ситуация станет понятней, если вспомнить, что именно Санкт-Петербург и Краснодарский край оказались общероссийскими лидерами по приросту явки на президентских выборах. Краснодарская администрация показала в марте прирост активности избирателей на 22,6%, петербургская – на 16,7%. Москва тоже от них недалеко отстала.

Следующий шаг к пониманию поможет сделать избирательное законодательство. На думских выборах мандаты между региональными партийными группами распределяются пропорционально *абсолютному* числу полученных на данной территории голосов. Лишние 174 тыс. голосов для Москвы эквивалентны двум дополнительным депутатским креслам в Думе. Оттого эти тысячи и "самозародились" к декабрю. На президентских же выборах абсолютная численность избирателей никого не волновала. Волновала явка в процентах: как символ всенародной поддержки и доля голосов в поддержку Д. Медведева – опять же в процентах, а не в натуральном выражении.

Процент явки можно увеличивать двумя способами – или наращивая числитель дроби (число пришедших голосовать), или уменьшая знаменатель (количество избирателей в списке). Проще, особенно в крупных городах, конечно, второе. Вот эти 174 тысячи списочных москвичей к марту и "рассосались". Зато процент явки вырос. То же самое в Санкт-Петербурге, Краснодаре и по всей Руси великой. К декабрю 1,6 млн в сумме прибавились, к марту – 1,9 млн убавились... Нам не привыкать: примерно так же непринужденно советская власть оперировала военными потерями и потерями от коллективизации.

То ли еще будет. Уходить от кормила не хочется, а сохранить себя в условиях даже максимально суженной электоральной демократии на фоне объективно ухудшающейся социальной и экономической ситуации все труднее. Придется либо манипулировать еще большими объемами "виртуальных избирателей", либо искать повод вообще отменить выборы. Ведь пережили же мы отмену губернаторских выборов.

* * *

Масштаб манипуляций со списками в последнем электоральном цикле вырос на порядок: если прежде, в условиях двух кавказских войн, без объяснений оставались колебания размахом в сотни тысяч человек, то сегодня, в мирное время, они превысили полтора миллиона. Вырос и их относительный вклад. На федеральных выборах голосуют порядка 65–70 млн человек. 1,6–1,9 млн "мертвых душ" для них автоматически составляют около 2,5%.

Колебания числа избирателей связаны не с демографическими процессами, а с динамикой политических интересов электоральных администраций. Статистика выборов все очевиднее противоречит статистике населения. Разрыв, вероятно, будет нарастать. В качестве защитных мер со стороны руководства следует ожидать сужения набора публикуемых данных и "закрытия" значительной части электоральной статистики по образцу ЦУНХУ. Экспертной интригой следующих выборов станет сравнение набора данных, которые были доступны прежде и теперь.

Выборы в РФ все больше приближаются к советскому образцу, к которому инстинктивно стремится класс победившей бюрократии. В итоге разрушаются доверие к избирательной системе и политическая коммуникация между властью и населением. Процесс сопровождается нарастающей информационной изоляцией, что, по сути, означает банкротство выборов как социального института. Без доверия они теряют смысл.

Да и зачем выборы, на которых действующая власть в принципе не может проиграть? Нынешняя социокультурная среда, с одной стороны, их дискредитирует (здесь странным образом совпадают интересы топовых частей элиты и самых нижних страт общества). С другой стороны, она переводит борьбу за власть в новое (точнее, в старое!) качество. Смена руководства при разрушении легальных электоральных процедур может происходить только традиционным для СССР келейным образом. Будет ли это тихий заговор, военный переворот, чрезвычайное положение или, напротив, уличный "оранжевый" вариант, бунт – сказать невозможно. Но уже понятно, что нормальной, мирной смены власти через нормальные выборы социокультурная норма современной России не обеспечивает.

Практически никто из влиятельных лоббистских структур, социальных групп, официальных органов и т.д. не рискнул выступить в защиту чистоты и законности электоральной процедуры. Все предпочли сыграть "как бы шута": "Что выборы? Знаем мы эти выборы... Одно вранье..." Делая вид, что не понимают, какая просвечивает альтернатива.

Деградация нравственных установок, когда простая фиксация правды (уж как проголосовали – так и проголосовали, ничего не попишешь!) третируется как антигосударственная деятельность, а фальсификация – напротив, как проявление лояльности и патриотизма, – неизбежно ведут к деградации и разрушению административного аппа-

рата, а вслед за ним и государства. Это задается не высокими моральными соображениями, "духовностью" и прочими довольно абстрактными категориями, а примитивными и почти материальными в своей грубости функциональными связями.

Деградационная установка, унаследованная российскими элитами от советской номенклатуры, в общей форме исходит из передергивания приоритетов: не власть для населения, а население для власти. Отсюда и голодомор ради повторного закрепощения крестьянства под царственной рукой бюрократии, и запрет на данные о плачевных итогах закрепощения, и фальшивые рапорты об экономическом росте, и фальсификация выборов, и уничтожение оппонентов/конкурентов.

С вполне предсказуемым итогом в конце. Раньше или позже граждане (вдруг?) понимают, что власть завралась и испаскудилась. Вранье и шутовство неожиданно становятся стыдными и омерзительными в глазах большинства, которое еще вчера с удовольствием потребляло и то и другое. И тогда – что? А что, если не обвинять по старой интеллигентской привычке власть, а попытаться для начала просто не врать в своей собственной профессиональной сфере. Ну, хотя бы в той же статистике?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации 1999. Электоральная статистика. М., 2000^а.

Выборы Президента Российской Федерации 1996. Электоральная статистика. М., 1996.

Выборы Президента Российской Федерации 2000. Электоральная статистика. М., 2000^б.

Курман М.В. Воспоминания // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. XXXIV. № 4. Octobre-decembre (перевод на сайте Demoscope.ru).

Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Соч. Т. 3. М., 1953.

СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958.

Сталин И.В. Соч. Т. 17. 1895–1932. Тверь, 2004.

Электоральный справочник "Российские выборы в цифрах и картах. 1995/2007" // CD: Гражданский пул "Право на выбор-2008" (Info@pravonavibor.ru).